

Образование в контексте современной борьбы за лидерство

Садовая Елена Сергеевна

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия, e-mail: Sadovaja.elena@yandex.ru

Юревич Максим Андреевич

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия, e-mail: maksjuve@gmail.com

Цитирование: Садовая Е.С., Юревич М.А. (2025). Образование в контексте современной борьбы за лидерство. *Terra Economicus* 23(3), 68–80. DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-3-68-80

Статья посвящена анализу и концептуализации процесса формирования новых центров силы в условиях трансформации современного мироустройства, уточнению и конкретизации роли образования в нем. Несмотря на ключевую роль «жесткой силы» (ресурсов, военного и технологического доминирования), «мягкая сила» остается важным фактором в глобальной конкуренции за лидерство. В условиях экономического кризиса и деглобализации борьба за человеческие ресурсы обостряется, и успех ее будет зависеть не в последнюю очередь от способности государств адаптировать свои образовательные системы к современным вызовам. В статье всесторонне проанализированы факторы лидерства в данной сфере, а также проблемы, ведущие к его утрате. Результаты проведенного исследования показали, что за последние 20 лет глобальная расстановка сил в сфере образования претерпевает изменения, которые проявятся в течение нескольких последующих лет. Они обусловлены заметным усилением позиций Китая, а также ростом влияния других азиатских стран и государств Аравийского полуострова. При этом Великобритания, несмотря на признаки постепенного упадка университетской системы, смогла укрепить свои позиции в привлечении иностранных студентов благодаря продуманной государственной политике. Эти тенденции подчеркивают важность стратегического управления образовательной сферой в условиях глобальной конкуренции. Для России практическое применение «мягкой силы» должно быть направлено на привлечение и подготовку квалифицированных кадров для отечественной экономики, экономик стран БРИКС и ЕАЭС, а также на формирование лояльной политической и профессиональной элиты в странах макрорегиона и дружественных государствах. Это позволит укрепить влияние России и обеспечить долгосрочные конкурентные преимущества в меняющемся мире. Претворение этих идей в реальную политическую практику потребует дальнейших значительных теоретико-концептуальных, организационных и финансовых усилий.

Ключевые слова: центры силы; мягкая сила; высшее образование; компетенции; битва за умы; битва за таланты

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Education and the modern struggle for leadership

Elena S. Sadovaya

E.M. Primakov IMEMO, Russian Academy of Sciences, Russia, e-mail: Sadovaja.elena@yandex.ru

Maxim A. Yurevich

E.M. Primakov IMEMO, Russian Academy of Sciences, Russia, e-mail: maksjuve@gmail.com

Citation: Sadovaya E.S., Yurevich M.A. (2025). Education and the modern struggle for leadership. *Terra Economicus* 23(3), 68–80 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-3-68-80

The formation of new power centers necessitates a clearer understanding of the role of education in this process. This is particularly important, given that cultural and ideological values, transmitted through education and language, will be pivotal in shaping the emerging world order centered on macro-regions. Implementing this vision into political practice will require substantial theoretical, organizational, and financial effort. While “hard power” (resources and technological dominance) remains crucial, “soft power” continues to be a significant factor in global competition. Amid economic crises and deglobalization, the struggle for intellectual and human resources is intensifying, and success will hinge on states’ ability to adapt their educational systems to modern challenges. Research findings indicate that the global balance of power in education has been undergoing changes that will manifest themselves over the next few years. China’s position is notably strengthening, alongside the growing influence of other Asian countries and countries and states of the Arabian Peninsula, while the UK, despite the signs of gradual decline in its university system, has managed to reinforce its position in attracting international students through well-designed state policies. These trends highlight the importance of strategic governance in education within the context of global competition. For Russia, the practical application of “soft power” should focus on attracting and training qualified professionals for the domestic economy, the BRICS countries and the Eurasian Economic Union, as well as cultivating politically loyal elites and skilled experts in partner countries within the macro-region and other friendly states. This approach will strengthen Russia’s influence and secure long-term competitive advantages in a changing world.

Keywords: power centers; soft power; higher education; competencies; battle for minds; battle for talent

Acknowledgment: This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development № 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

JEL codes: O15; O57

Введение

Мир вступил в эпоху жесткой конфронтации, обусловленной крушением прежнего миропорядка. Экономико-политический потенциал сложившейся модели глобализации оказался исчерпанным, долги мира слишком велики, накопившиеся противоречия стремительно выходят на поверхность. Логика и история подсказывают, что мировая система, стремясь к упорядоченности, с высокой долей вероятности трансформируется в многополярную, представляющую собой совокупность нескольких центров силы. Поднимаясь сами, они будут способствовать зарождению вокруг себя новых макрорегионов. Вряд ли количество их будет велико, слишком много

факторов должно сойтись в одной точке, чтобы какому-либо государству удалось сформировать «силовое поле», вокруг которого начнет складываться новый региональный центр развития. В зависимости от комбинации этих факторов исследователи выделяют типы государств, способных претендовать на роль центров силы в рамках системы нового миропорядка (Кузнецов, 2022).

Отметим, что становление многополярного мира и выдвигание того или иного государства на роль центра формирующегося макрорегиона не определяется исключительно лишь его экономической и военной мощью. Достаточно общим стало представление о том, что важнейшим отличительным признаком центра силы оказывается его способность проецировать свою «мягкую силу» на интересующее его пространство. Концепт этот, введенный в научный и политический дискурсы Дж. Наем (Nye, 1990), употребляется чаще всего в контексте анализа проблем и перспектив высшего профессионального образования в той или иной стране (Антюхова, 2018).

Цель исследования состоит в раскрытии потенциала высшего образования как инструмента «мягкой силы» на поле борьбы за «умы» и «таланты» в условиях формирования многополярного мира. Новизна подхода определяется тремя моментами. Во-первых, акцентируется внимание на переходном характере современного периода – авторы анализируют изменение роли образования в эпоху деглобализации и регионализации, когда конкуренция за человеческий капитал особенно обостряется. Во-вторых, выделены две функции образования: как инструмента идеологического влияния («борьба за умы») и как механизма подготовки кадров для победы в технологической конкуренции («борьба за таланты»). В-третьих, предложены конкретные меры для усиления позиций России через реформирование образования, цифровизацию, сотрудничество с государствами постсоветского пространства и адаптацию к запросам высокотехнологичной экономики. Таким образом, исследование сочетает теоретический анализ концепта «мягкой силы» с прикладными рекомендациями в целях совершенствования российской политики в условиях перехода к многополярности.

Факторы формирования центров силы

Прежде всего необходимо конкретизировать понимание роли образования применительно к современному переходному этапу. Как и прежде, оно должно обеспечивать победу в «борьбе за умы» подрастающего поколения тех государств, которые формирующийся центр силы планирует включить в свою орбиту. Собственно, именно об этом говорил Дж. Най (2004), считавший важнейшей целью и достижением американской системы образования способность «вкладывать» в головы иностранных студентов, обучающихся в США, соответствующую систему ценностей. Исследователи отмечают также политические дивиденды от реформирования систем образования различных стран по европейскому образцу, давшего возможность продвигать соответствующие ценности и политические нарративы (Botonero, 2013). Американцы и европейцы практически единолично заняли нишу экспорта образования в предыдущие годы, благодаря чему сумели сделать собственные нарративы мейнстримом общественно-политической повестки глобализированного мира. Во многом это произошло благодаря тому, что вместе с исчезновением Советского Союза пропали и транслируемые им идеи, представлявшие практически единственный альтернативный западному проект модерна. России, занятой несколько последних десятилетий решением внутренних проблем, оказалось не до того, чтобы пытаться завоевать умы союзников даже на ближайшем постсоветском пространстве предложением новых смыслов.

Сегодня эта задача приобретает для нашей страны особую актуальность именно в процессе формирования современных центров силы. Способность создавать и транслировать смыслы становится главным содержанием борьбы за будущее в условиях усиливающегося противостояния и деглобализации, что позволяет экспертам связывать концептуализацию современных геополитических трендов в том числе с проблемами развития высшего образования (Moscovitz, Sabzalieva, 2023), рассматривать центры силы как «мировой культурно-идеологический проект» (Кузнецов, 2022: 112). Борьба на этом поле принимает совершенно различные формы – формулирование политических нарративов, воспитание молодежи, формирование элит, в том числе зарубежных, в желаемых идеологических рамках.

Однако, исследуя проблему лидерства в контексте развития образования, следует признать, что не меньшее, если не большее значение в сегодняшних условиях приобретает еще одна, непосредственная его функция – обеспечение экономики востребованными специалистами в необходимом количестве.

Сформированная в рамках глобализированной экономики система разделения труда позволила создать высокотехнологичные производства, в корне изменив требования к занятой на них рабочей силе – на смену «массовому» работнику индустриальной эпохи приходят гораздо менее многочисленные «штучные» специалисты, способные ориентироваться в стремительно усложняющейся с технологической точки зрения экономике. Это явление получило название «*массовая уникальность*»¹.

Подготовить уникального специалиста значительно сложнее, чем среднеквалифицированного работника индустриальной эпохи, что кардинально меняет требования к современной системе профессионального образования (Levy, Murnane, 2007; Vreen et al., 2010). Востребованное профессиональное образование становится не только гораздо более дорогим, значительно увеличивается время, необходимое для подготовки специалистов высокой квалификации или работников, обладающих эксклюзивными компетенциями. А главная проблема заключается в том, что в процессе встраивания в международную систему разделения труда многие страны вообще утратили (или не приобрели) необходимые компетенции, наличие которых позволило бы им сохранить технологическое лидерство в новых условиях или хотя бы не утратить экономический суверенитет. В этой связи любые пути решения проблемы – подготовка собственных специалистов, привлечение талантливой молодежи из-за рубежа и обучение ее востребованным профессиям, «переманивание» уже готовых специалистов из других стран – оказываются хороши. Каждый из этих путей имеет свои плюсы, но и предполагает определенные издержки.

Немногие государства, ставшие лидерами в образовательной сфере, способны предоставить студентам образовательные программы соответствующего качества, а также собирать в стране в качестве студентов талантливую молодежь со всего мира. Речь идет о привлечении в страну иностранных студентов прежде всего с прицелом на то, что после учебы наиболее успешные из них останутся работать в стране.

Развернувшаяся в последние десятилетия между формирующимися центрами силы «*война за таланты*» (Michaels et al., 2001) в условиях регионализации мировой экономики и новой технологической гонки приобретает непосредственный смысл. Практика свидетельствует, что победу в этой войне отдельные государства могут одерживать, не вкладывая значительных средств в подготовку квалифицированных кадров. Переманивание уже готовых кадров из других государств позволяет обеспечивать ими свою экономику в наиболее чувствительных ее секторах (Цапенко, Сауткина, 2018). Однако если еще десятилетие назад США и Европа очевидно побеждали в этой войне, имея возможность заполучить ведущих специалистов со всего мира, то сегодня ситуация уже не так однозначна. По мере того как в мировой экономике намечается тенденция на деглобализацию, Китай, например, провозглашает возвращение своих специалистов на родину одним из важнейших факторов борьбы за лидерство в многополярном мире². Следует признать, что политика Китая в этой области оказывается небезуспешной (Садовая, 2022).

В контексте сказанного выше важно оценить инструменты, достижения и проблемы «старых» центров силы в сфере образования. И в «*борьбе за умы*», и в «*борьбе за таланты*». Интерес в этой связи может представлять в первую очередь опыт США и Великобритании. При этом в фокусе анализа необходимо держать не только их прошлые успехи, но и факторы, способствующие утере лидерства. Интересны также усилия перспективных формирующихся центров силы, в первую очередь Китая.

«Борьба за умы и таланты»: переходит ли схватка в партер?

Очевидно, что перспективы университетского образования той или иной страны в значительной мере обусловлены потенциалом локального рынка труда, и абитуриенты, особенно иностранные, при выборе места обучения как минимум имеют представление о возможных карьер-

¹ BCG (2019). Массовая уникальность: глобальный вызов в борьбе за таланты. <https://web-assets.bcg.com/f9/24/5f3a82564d6fa0d27a6d767ae0f6/rus-bcg-mas-uniq-tcm27-228998.pdf> (дата обращения: 21.04.2025)

² Haugen, H., Speelman, T. (2025). China's rapid development has transformed its migration trends. Migration information source. <https://www.migrationpolicy.org/article/china-development-transformed-migration> (дата обращения: 21.04.2025)

ных траекториях в стране обучения. Согласно результатам социологических исследований *BCG* и партнеров, США на протяжении последних 10 лет уверенно контролировали лидирующие строчки в рейтинге стран, наиболее привлекательных для трудовой миграции (при всем понимании условности любых рейтингов). Опрос 2023 г. выявил высокую привлекательность США среди молодежи (респонденты в возрасте до 30 лет), лиц со степенью бакалавра или выше, а также специалистов в области цифровизации, ИТ, больших данных, искусственного интеллекта и т.п.³

Неудивительно, что страна являлась до сих пор признанным авторитетом в сфере образования. По данным за 2024 г., в американских университетах обучались 1 127 тыс. иностранных студентов, из которых почти 332 тыс. – представители Индии и 277 тыс. – граждане Китая⁴. Показательно, что при всех непримиримых противоречиях между демократами и республиканцами в решении миграционных проблем, и Трамп (еще в первую свою каденцию), и Байден предоставили молодежи, обучающейся в США по профессиям *STEM* (*science, technology, engineering u mathematics*), право оставаться в стране в течение трех лет после окончания университета. Согласно расчетам, до 10–20% иностранных выпускников остаются работать в США (Beine et al., 2023).

Косвенным индикатором привлекательности страны для умов и талантов можно считать интенсивность переноса на ее территорию стартапов (в данном случае речь пойдет о компаниях, получивших венчурное финансирование). Официальные данные о миграционной активности таких компаний отсутствуют, но в рамках академических исследований удалось собрать несколько баз данных, которые позволяют ответить на вопрос: куда эмигрируют стартапы? К примеру, на выборке из 11 тыс. стартапов, созданных в странах ЕС, удалось обнаружить 661 предприятие, перенесшее штаб-квартиры в другие страны. 85% таких предприятий передислоцировались в США (Weik et al., 2024). На более широкой и более репрезентативной с точки зрения географического охвата выборке в почти 76 тыс. фирм было выявлено 868 стартапов-эмигрантов, 61% из которых обосновались в США (Shi et al., 2024).

Глобальная битва за человеческий капитал нашла аналитическое отражение в нескольких композитных индексах, в частности *The Global Talent Competitiveness Index* от *INSEAD*. Вряд ли стоит рассматривать динамику старых и новых центров силы по общему зачету, так как алгоритмы расчета этих рейтингов включают, пожалуй, избыточное множество отдельных метрик, что сильно затрудняет интерпретацию волатильности позиций отдельных стран. Тем не менее ряд показателей вполне могут проиллюстрировать смещение полюсов влияния в сражении за таланты и/или умы. В частности, в Индекс *INSEAD* интегрировано несколько индикаторов, рассчитанных по итогам опроса топ-менеджеров, регулярно проводимого Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) (табл. 1). И позиции США в области привлечения и удержания талантов выглядят вполне прочными, чего нельзя сказать о Великобритании. Помимо укрепления положения Китая и его вхождения в топ-10 стран по привлекательности для талантов необходимо отметить присутствие в числе лидеров (и по привлечению, и по удержанию талантов) таких стран, как Сингапур, ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия и даже Азербайджан (14-е место по привлечению талантов в 2020 г.). Арабские государства Персидского залива приобрели привлекательность для мировых талантов не только в силу щедрых финансовых условий для наемных работников и доступности инвестиционного капитала для предпринимателей, но и благодаря лояльной бюрократической системе, гибким схемам получения вида на жительство и гражданства и др. (Beaugrand, 2023).

Компаративная оценка конкурентоспособности национальных систем высшего образования также выглядит весьма нетривиальной задачей в силу многогранности и многоцелевого назначения самой системы. Прежде всего она должна обеспечивать компетентными кадрами внутренний рынок труда, подпитывая национальную экономику необходимым человеческим капиталом, и оперативно реагировать на новые квалификационные потребности. По данным тех же опросов ВЭФ, США неизменно входят в пятерку лучших стран по уровню соответствия

³ BCG (2024). Decoding Global Talent 2024. <https://web-assets.bcg.com/61/23/006267594700b68f17396371649a/bcg-decoding-global-talent-2024.pdf> (accessed on April 21, 2025). В верхнюю десятку стабильно попадали и многие европейские государства: Великобритания, Германия, Франция, Испания. Из новых центров можно выделить, пожалуй, лишь Сингапур, который в 2020 и 2023 г. (опросы проводились не ежегодно) занимал 8-ю строчку рейтинга.

⁴ Batalova, J. International students in the United States. Migration Policy Institute. <https://www.migrationpolicy.org/article/international-students-united-states> (accessed on April 21, 2025)

запросов экономики и выпуска кадров (табл. 1). По этому же критерию наблюдается заметное усиление позиций Китая, равно как и других отмеченных ранее азиатских стран и представителей Аравийского полуострова.

Таблица 1

Динамика стран по уровню привлечения, удержания талантов и качества университетского образования, по данным опросов ВЭФ

Страна \ Год	2014	2016	2018	2020	2022
Вопрос: «В какой степени Ваша страна привлекает талантливых людей из-за рубежа?» [1 = совсем нет; 7 = в значительной степени – привлекает самых лучших и талантливых со всего мира] (в скобках позиция страны в рейтинге)					
США	5,78 (6)	5,80 (5)	5,86 (2)	5,60 (5)	–
Великобритания	5,87 (5)	6,03 (3)	5,78 (4)	5,04 (15)	–
Китай	4,24 (24)	4,37 (22)	4,48 (24)	5,42 (7)	–
Саудовская Аравия	4,74 (15)	4,72 (16)	4,60 (19)	5,54 (6)	–
Вопрос: «В какой степени Ваша страна удерживает талантливых людей?» [1 = совсем нет, лучшие и талантливые уезжают за границу; 7 = в значительной степени – лучшие и талантливые остаются и ищут возможности в стране] (в скобках позиция страны в рейтинге)					
США	5,73 (3)	5,64 (2)	5,81 (2)	–	–
Великобритания	5,03 (10)	5,41 (7)	5,27 (7)	–	–
Китай	4,17 (28)	4,21 (32)	4,33 (32)	–	–
Саудовская Аравия	4,45 (19)	4,73 (18)	4,58 (24)	–	–
Вопрос: «Насколько в Вашей стране система образования отвечает потребностям конкурентоспособной экономики?» [1 = совсем плохо; 7 = очень хорошо] (в скобках позиция страны в рейтинге)					
США	–	5,12 (17)	6,01 (2)	5,40 (4)	5,55 (5)
Великобритания	–	4,83 (20)	4,73 (19)	4,64 (23)	4,83 (21)
Китай	–	4,60 (38)	4,52 (27)	5,01 (12)	5,24 (10)
Саудовская Аравия	–	4,18 (44)	4,44 (33)	4,72 (20)	5,35 (6)

Источник: построено авторами по данным The Global Talent Competitiveness Index 2023. INSEAD. <https://www.insead.edu/system/files/2023-11/gtci-2023-report.pdf> (accessed on April 21, 2025) и выпуски *The Global Talent Competitiveness Index* за предыдущие годы.

Однако вопрос о том, в какой мере лидерство США в образовательной сфере является следствием реально высокого качества образовательных программ и программ привлечения иностранных студентов в страну, а в какой – результатом эффективной бизнес-модели развития образования, помноженной на эффект глобализационного дивиденда, остается открытым и требует дополнительного исследования. Очевидно, что система образования достаточно инерционна, однако утеря инженерно-ориентированной культуры вследствие постиндустриальной трансформации американской экономики (обратная сторона американской гегемонии) уже сказывается на ней. Это пока не относится к ведущим университетам, однако начатая Трампом борьба за сокращение их финансирования, возможные сложности с приемом талантливой иностранной молодежи в американские вузы могут негативно сказаться на качестве их естественно-научных и технических образовательных программ.

У США уже сегодня наблюдается ряд злободневных проблем, обусловленных кадровым голодом и дисфункцией системы высшего образования. Например, несмотря на обильное финансирование, американские верфи уже много лет никак не могут запустить строительство тяжелых ледоколов⁵. Аналогичные сложности существует и с обогащенным ураном, который США закупают в том числе у России для удовлетворения как гражданских, так и оборонных потреб-

⁵ Potter, B. Why the U.S. Can't build icebreaking ships. Construction Physics. <https://www.construction-physics.com/p/why-the-us-cant-build-icebreaking> (accessed on April 21, 2025)

ностей⁶. Таким образом, наряду с общепризнанными успехами США в деле «высасывания» из других стран талантливой и образованной молодежи, сегодня начинают сказываться и негативные последствия глобализации под американским лидерством. Это проявляется в том числе в нарастании структурных проблем в американской экономике, в образовательной сфере, в плане обеспечения кадрами национального рынка труда, а также в обострении конкуренции за рабочие места между американцами и иностранными работниками. В этой связи России, несомненно претендующей на роль центра одного из формирующихся макрорегионов в системе нового мироустройства, стоит учесть возможные вызовы, обусловленные переносом высокотехнологичных производств в другие страны, и связанную с этим неизбежную утерю компетенций. Восстановить их, как показывает опыт, оказывается сложнее, нежели сами производства.

С точки зрения реализации функции проводника «мягкой силы» («борьбы за умы») университетский сектор должен пропускать через себя потоки иностранных студентов, которые параллельно с приобретением знаний проникаются культурой, ценностями и идеологией принимающей страны (Wojciuk et al., 2015). Соответственно, при прочих равных чем больше страна обучает иностранных студентов, тем большее у нее возможностей реализации «мягкой силы». С учетом почти монотонно возрастающей численности иностранных студентов в мире американские университеты, пожалуй, столкнулись с явными трудностями начиная с середины 2010-х гг., а британские образовательные учреждения, наоборот, провели активную экспансию на этом рынке, что отражено на рисунке ниже. Успех Великобритании связывают с несколькими факторами⁷. Во-первых, в стране была запущена государственная политика, направленная на увеличение студенческой миграции. Среди прочих инструментов выделяется *Graduate Visa*, позволяющая студентам жить и работать в Великобритании в течение двух лет после окончания университета или трех лет для выпускников аспирантуры. Во-вторых, во время пандемии коронавируса Великобритания придерживалась относительно лояльных ограничений для зарубежных студентов по сравнению со странами-конкурентами. Не в последнюю очередь это было связано с лобби университетов, для которых плата за обучение именно иностранных студентов является существенной частью доходов (Cheng et al., 2024).

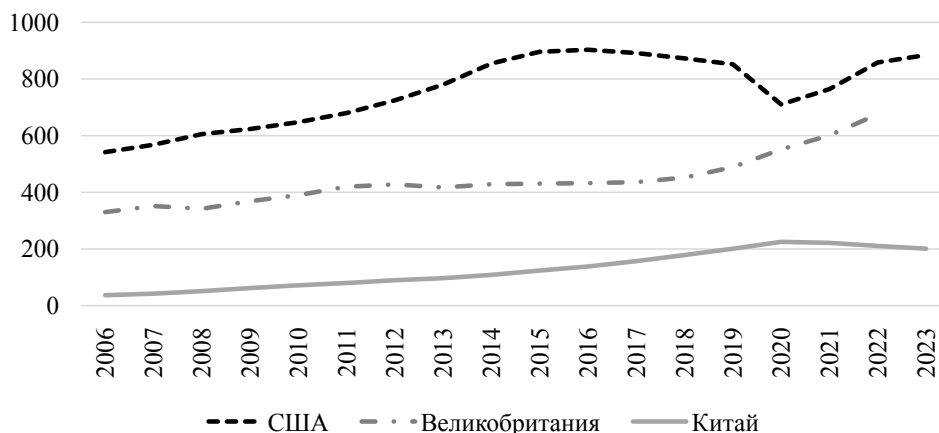

Рис. Динамика прибывших на обучение иностранных студентов, тыс. чел.

Источник: построено авторами по данным *UIS Data Browser*⁸, *Statista*⁹.

Китай до начала пандемии невысокими темпами, но достаточно устойчиво наращивал численность иностранных студентов. Как отмечается, после 2010 г., когда Китай более активно и глубоко включился в глобальную конкуренцию, в образовательной политике все большую роль стал играть все-

⁶ US Nuclear Fuel Cycle. World Nuclear Association. <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-t-z/usa-nuclear-fuel-cycle> (accessed on April 21, 2025)

⁷ Student migration to the UK. The Migration Observatory at the University of Oxford. <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/student-migration-to-the-uk/> (accessed on April 21, 2025)

⁸ UIS Data Browser. UNESCO. <https://databrowser.uis.unesco.org/> (accessed on April 21, 2025)

⁹ Statista. Number of international students in the United States from 2003/04 to 2023/24. https://www.statista.com/statistics/237681/international-students-in-the-us/?srsltid=AfmBOopAGpCA0A7l81-CUv12lqjb7xpr8vJfAk72gjt_7jUKyjaZzG83 (accessed on April 21, 2025)

проникающий инструментализм. И во главу угла было поставлено не то, какой вклад вносят иностранные студенты в экономическое развитие Китая, а то, какие культурные и политические ценности они впитывают и экспортируют в родные страны (Zhang, Liao, 2021). Таким образом, в целеполагании госполитики в области высшего образования был выставлен четкий ориентир на реализацию «мягкой силы», в том числе через наращивание численности прибывающих студентов.

Можно предположить, что чем выше по карьерной лестнице в материнской стране забирается иностранный студент, тем больший эффект достигается от образовательной «мягкой силы». В Институте политики в области высшего образования (HEPI) подсчитали, что в настоящий момент наибольшая численность президентов, вице-премьеров и монархов, обучавшихся за пределами родной страны, получили высшее образование в США. А еще восемь лет назад по этому критерию лидировала Великобритания (табл. 2). И это, несомненно, даст англосаксонским странам некоторую фору в этом плане, учитывая инерционность трансформации систем образования, а также тот факт, что получившие соответствующее образование руководители разного уровня еще несколько десятилетий могут находиться у власти в своих странах. Поэтому неизбежная, на наш взгляд, утрата ими лидерства в сфере высшего образования будет достаточно сильно растянута во времени.

Таблица 2

Численность мировых лидеров, получивших высшее образование в США, Великобритании, Франции и России, чел.

Страна \ Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
США	57	58 (+1)*	62 (+4)	61 (-1)	65(+4)	67 (+2)	65 (-2)	70 (+5)
Великобритания	58	57 (-1)	59 (+2)	56 (-3)	58 (+2)	56 (-1)	58 (+2)	58 (--)
Франция	34	40 (+6)	40 (-)	35 (-5)	30 (-5)	31 (+1)	30 (-1)	28 (-2)
Россия	9	10 (+1)	10 (--)	10 (--)	11 (+1)	11 (--)	10 (-1)	10 (--)

* – в скобках указано изменение численности по сравнению с предыдущим годом.

Источник: составлено авторами по данным HEPI soft-power index 2024¹⁰.

Подводя промежуточный итог, можно сформулировать несколько тезисов. Во-первых, на арене мировых центров образовательной силы каких-то тектонических сдвигов за последние 10–20 лет скорее не фиксируется, хотя позиции Китая явно укрепляются, и все более заметными игроками становятся другие азиатские страны и государства Аравийского полуострова. При этом процесс смены лидерства будет постепенным. Во-вторых, можно предположить, учитывая ускорение процесса регионализации мировой экономики, что лидерство перейдет не к одному, а к нескольким нарождающимся центрам силы. В-третьих, при всех признаках постепенной деградации общей экономической ситуации, а также университетской системы Великобритании она смогла не только сохранить, но и упрочить свои позиции в плане привлечения иностранных студентов, что стало прямым следствием продуманной и своевременной госполитики. Это лишний раз подтверждает важность консолидации предпринимаемых государством усилий, проектной направленности этих усилий именно в период повышенной экономической и геополитической турбулентности.

Успех Китая по большей части связывается с общим экономическим подъемом страны, созданием высокотехнологичных производств и серьезным улучшением комфортности жизни (Li et al., 2021). Так, крупные компании и университеты имеют достаточно средств для приглашения талантов и умов из развитых стран, стимулируя тем самым приток интеллектуального капитала в страну. Кроме того, власти страны уже достаточно давно включились в активную работу с диаспорой, пытаясь вернуть на территорию Китая экспатов, получивших образование и построивших карьеру за границей. Причины из экономической плоскости лежат в основе сокращения отрыва США в глобальной гонке за умы и таланты. Учитывая, что американская система привлече-

¹⁰ HEPI soft-power index 2024: The US pulls further away, while the UK stands still and France slips back. HEPI. <https://www.hepi.ac.uk/2024/10/10/the-us-pulls-further-away-in-the-latest-soft-power-index-while-the-uk-stands-still-and-france-slips-back/> (accessed on April 21, 2025)

ния мигрантов фокусируется на решающей роли работодателя (*employer-based system*), сокращение финансового превосходства американских компаний над мировыми конкурентами воплощается в снижении относительной привлекательности вакансий для иностранных специалистов (Kerr, 2020). Кроме того, сказывается и проблема терциализации американской экономики, стремительно теряющей необходимые производственные компетенции. Подтверждением этому служит недавнее выступление Тима Кука, признавшего, что основным препятствием возвращению производства *Apple* в США является отнюдь не разница в оплате труда между Китаем и Америкой, а именно отсутствие в последней необходимого количества высококвалифицированных специалистов¹¹.

По мнению ряда экспертов, текущая визовая политика в области найма высококвалифицированных специалистов нуждается в значительной перестройке (Stevenson, 2024). В частности, конфигурация визовой программы *H-1B* стимулирует американские предприятия прибегать к практикам офшоринга в ущерб развитию производственных площадок на территории США (Glennon, 2024). Наконец, ослабление позиций Великобритании как мирового центра привлечения талантов и умов не в последнюю очередь ассоциируют с брекситом (Marini, 2024), а также, опять-таки, снижением глобальной конкурентоспособности заработных плат¹². Особенно важно – страна стала менее привлекательна для талантливой молодежи, что сулит еще большее ослабление этого центра силы в долгосрочной перспективе.

Потенциал России как нового образовательного центра

Важно понять, каким образом и в какой степени опыт продвижения «мягкой силы», в том числе в сфере образования, может быть использован в нашей стране при выработке соответствующих политических решений. Те же США стали центром силы в период разворачивания глобализации и универсализации ценностей и практических политических и управленческих практик. Дж. Най, сконструировавший свой концепт применительно к США эпохи однополярного мира, позднее пересмотрел свои подходы к нему, обозначив структурные проблемы и пределы американской «мягкой силы» (Най, 2004). И в первую очередь обусловлены они невозможностью жесткого «навязывания» кому бы то ни было своих ценностей. Все же реципиенты «мягкой силы» должны быть готовы эти ценности воспринять. Именно необходимостью продвижения американских ценностей можно объяснить такую высокую активность *USAID* и связанной с ней обширной сети некоммерческих организаций по всему миру.

Реализовывать потенциал центра силы России придется в совершенно иных экономических и геополитических условиях. Деглобализация, несомненно, внесет в этот процесс свои коррективы, делая мировое пространство жестко конкурентным. Именно ценностный фактор будет играть все большую роль в складывании притягательного имиджа страны как образовательного центра, даже в условиях ситуативных союзов и коалиций, однако ценности эти явно не будут носить универсалистский характер.

Правильная оценка этой новой реальности должна сыграть свою положительную роль при выстраивании взаимоотношений прежде всего в рамках ЕАЭС. Эксперты отмечают значительный потенциал, которым обладает РФ в этой сфере, считая, что именно общие ценности и история могут стать важнейшими предпосылками формирования общего образовательного пространства, углубления евразийской интеграции и повышения роли РФ в этом процессе (Лебедева, Харкевич, 2014). В то же время именно на этом поле ожидается обострение конкурентной борьбы. Так, Турция, претендующая на роль лидера Большого Турана, активно продвигает свои образовательные программы в том числе в российских регионах и на постсоветском пространстве (Зорин, Рудаков, 2009).

Ценностный фактор может сыграть свою роль в формировании единого образовательного пространства БРИКС+. Анализ особенностей консолидации данного объединения позволяет в качестве одного из главных ее факторов выделить именно сближение идентичностей государств-членов, что,

¹¹ Trump wants “Made in USA” iPhones, but can America rival China’s workforce might? The Economic Times. <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/global-trends/trump-wants-made-in-usa-iphones-but-can-america-rival-chinas-workforce-might/articleshow/120213413.cms?from=mdr> (accessed on April 21, 2025)

¹² Is the UK losing the war for talent? What does this mean for your family office? Forbes. <https://www.forbes.com/sites/paulwestall/2023/10/11/is-the-uk-losing-the-war-for-talent-what-does-this-mean-for-your-family-office/> (accessed on April 21, 2025)

собственно, и делает БРИКС+ «одной из основных долгосрочных сил, формирующих новую архитектуру международных отношений в 21 веке» (Mielniczuk, 2013). Система образования играет далеко не последнюю роль в формировании идентичности у молодых поколений. Несомненно, у России, первой открыто выступившей в защиту традиционных ценностей, есть в этой связи значительный потенциал упрочения своей «мягкой силы» в рамках данного объединения. Можно ожидать активного выхода нашей страны на новые рынки сбыта образовательных услуг (Иран, КНДР, Африка). В 2023/2024 учебном году по сравнению с 2010/2011 численность всех иностранных студентов выросла более чем в 2 раза, а численность обучающихся из стран дальнего зарубежья – примерно в 3,7 раза¹³.

Использование цифровых образовательных платформ, трансформация образовательных программ в более практико-ориентированном ключе с учетом новейших технологических трендов, а также обращение к истории отношений со многими из этих государств во времена СССР могут облегчить реализацию самых амбициозных планов, но это потребует серьезных усилий с нашей стороны. Однако проблем в этой сфере накопилось великое множество. Отчасти они коренятся в национальной политике по отношению к советским республикам, проводившейся в советское время. С ее последствиями в виде переписывания истории, отказа от общих ценностей, откровенной враждебности правящих элит возникших на постсоветском пространстве государств мы вынуждены сталкиваться сегодня. Как и с тем, что многие из приезжающих из этих стран мигрантов не только не являются высококвалифицированными специалистами или талантливыми студентами, но и зачастую не стремятся интегрироваться в принимающее их общество, отказываясь уважать его традиционные ценности, учить язык, получать образование. Необходимость суверенизации системы образования, поиска наиболее эффективных форматов ее организации, возврата к переосмысленным вековым традициям российского образования в полной мере осознается руководством страны¹⁴.

Не менее существенную роль в процессе становления России как нового центра силы будет играть победа страны в «борьбе за таланты». Россия сохранила, а в чем-то даже упрочила положение образовательного центра для большей части постсоветского пространства, однако формирование суверенной экономико-технологической зоны потребует дальнейшего усиления этой тенденции в связи с необходимостью возвращения части утерянных вследствие глобализации компетенций, формирования интегрированного рынка труда. Это предполагает продолжение реформирования системы профессионального образования. Кстати, верной оказывается и обратная зависимость – принятие единых образовательных стандартов, создание общих программ и центров развития компетенций позволят значительно повысить эффективность формирования не только единого рынка труда, но и общего экономического пространства.

Процесс интеграции образовательной сферы значительно активизировался в последние годы. Логично, что приоритетным направлением стало постсоветское пространство. По данным Минобрнауки России и Минэкономразвития России, примерно 4/5 всех филиалов отечественных университетов расположены в странах СНГ, почти половина из которых дислоцирована в Узбекистане¹⁵. Первичными при создании программ сотрудничества в образовательной сфере будут планы социально-экономической и технологической интеграции и новые контуры системы разделения труда, формирующейся в процессе складывания «нашего» макрорегиона. Успешность решения этой задачи позволит повысить интерес талантливых молодых людей к получению соответствующего образования в нашей стране. Какая-то часть из них, скорее всего, останется в России, пополняя ряды высококвалифицированных специалистов в тех отраслях, в которых сложился критический дефицит кадров. По оценкам Минобрнауки России, в настоящий момент не более 8–9% иностранных студентов остаются работать в России¹⁶. Очевидно, что показатели эти могут быть повышены, если будут предприняты соответствующие целенаправленные усилия.

¹³ Индикаторы образования: 2025: Статистический сборник. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025.

¹⁴ Сергей Кравцов: «У России есть уникальные возможности построить суверенную систему образования». Минпросвещения России. <https://edu.gov.ru/press/7740/sergey-kravcov-u-rossii-est-unikalnye-vozmozhnosti-postroit-suverennuyu-sistemu-obrazovaniya> (дата обращения: 21.04.2025)

¹⁵ Минэкономразвития: филиалы российских вузов в странах СНГ позволят наращивать сотрудничество между бизнесом. Минэкономразвития России. https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_filialy_rossiyskih_vuzov_v_stranah_sng_pozvolyat_narashchivat_sotrudnichestvo_mezhdu_biznesom.html (дата обращения: 21.04.2025); Минобрнауки планирует расширить сеть филиалов российских вузов за рубежом. ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/17100777> (дата обращения: 21.04.2025)

¹⁶ До 8% иностранных студентов остаются работать в РФ после получения диплома. ТАСС. <https://tass.ru/obschestvo/21723673> (дата обращения: 21.04.2025)

Проводимая реформа профессионального образования и политика по привлечению талантливых молодых людей в страну должны опираться на новейшие тенденции в развитии рынка труда, учитывать изменившиеся требования к рабочей силе. В частности, речь идет о достаточно быстром устаревании компетенций и необходимости переобучения более 60% работников в ближайшие два года, о потребности в совершенно иных навыках (аналитическое мышление, творчество, умение владеть навыками использования искусственного интеллекта и больших данных) в связи с автоматизацией и роботизацией интеллектуального труда средней сложности¹⁷.

Специалисты отмечают также гораздо большую динамичность в развитии современных компетенций и повышение в этой связи роли корпоративных образовательных центров в их получении¹⁸, что позволяет приблизить профессиональное образование к потребностям высокотехнологичной экономики. Это потребует изменения институциональной инфраструктуры профессионального образования в целом. Новые тенденции уже сегодня находят свое отражение во взаимоотношениях российской системы профессионального образования со своими ближайшими соседями. К примеру, рост квоты для студентов из Казахстана на обучение в российских вузах вызван повышенным спросом на образовательные программы Росатома, Роскосмоса, сетевых университетов ЕАЭС, СНГ и ШОС¹⁹. Сюда же можно отнести и необходимость развития системы различного рода краткосрочных курсов повышения квалификации, обмена опытом, формирование новых образовательных стандартов. Обучение иностранных студентов российским технологическим решениям, становящимся в современном мире все менее универсальными, позволит «привязать» молодых людей к нашей экономико-технологической зоне. Формирование единого технологического пространства, кстати, является важным условием устойчивости макрорегиона. Однако для реализации такого сценария необходим серьезный акцент в обучении на гуманитарных аспектах – изучение истории, литературы, формирование у молодых людей соответствующей системы ценностей. Важным фактором привлечения талантливой иностранной молодежи на российский рынок труда будет учет изменившихся ее приоритетов в трудовой сфере. В частности, речь идет о возросшей важности для молодых людей не только высоких заработков, но и интересной работы, гибких режимов рабочего времени, привлекательного имиджа работодателей (Schroth, 2019).

При этом нельзя терять из вида проблему относительно невысокого уровня подготовленности иностранных абитуриентов, которые, правда, по словам главы Минобрнауки России, по большей части обучаются на контрактной основе²⁰.

Признавая определенные успехи, невозможно отрицать, что Россия пока далеко не полностью реализовала имеющийся потенциал центра силы в сфере образования. И этому есть целый ряд причин. Поляризация мира ограничивает круг потенциальных потребителей услуг нашей системы образования. Появление значительного числа претендентов на то, чтобы стать новыми центрами силы, и дальше будет обострять конкуренцию в этой сфере, с одной стороны. А с другой – начало нового неокOLONиального цикла (Балацкий, 2025) открывает новые возможности перед Россией, включая шанс провести экспансию на глобальном рынке образовательных услуг и полноценно включиться в глобальную гонку за таланты.

Необходимо принимать во внимание и ограниченность наших финансовых возможностей. Несмотря на высокий уровень резистентности и адаптивности российской экономики к зарубежным санкциям, обильные бюджетные вливания ради поддержания стабильности национальной экономики и стимулирования ее роста ограничивают спектр ресурсов, которые могли бы пойти на усиление образовательного сектора. Более частным, но не менее существенным фактором является степень распространенности языка страны, претендующей на роль образовательного центра.

Однако главный ограничительный фактор лежит в экономической сфере: не будет социально-экономического и технологического развития на пространстве Евразии – не будет единого рынка и потребности в качественном профессиональном образовании. Только в случае успешной реализации своего геополитического проекта Россия сможет претендовать на роль регионального образовательного центра.

¹⁷ Future of jobs report 2023. World Economic Forum. https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2023.pdf (accessed on April 21, 2025)

¹⁸ McKinsey (2024). A new future of work: The race to deploy AI and raise skills in Europe and beyond. <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/a-new-future-of-work-the-race-to-deploy-ai-and-raise-skills-in-europe-and-beyond#/> (accessed on April 21, 2025)

¹⁹ Россотрудничество увеличивает квоту для Казахстана в 2023–2024 учебном году. Россотрудничество. <https://rs.gov.ru/news/rossotrudnichestvo-uvelichivaet-kvotu-dlya-kazahstana-v-2023-2024-uchebnom-godu/> (дата обращения: 21.04.2025)

²⁰ Фальков сообщил о низком качестве платных иностранных студентов в России. РБК. <https://www.rbc.ru/society/21/03/2025/67dd31c99a7947d06790864c> (дата обращения: 21.04.2025)

Заключение

Появившийся в конце 90-х гг. прошлого века концепт «мягкой силы» с методологической точки зрения имеет определенный аналитический и прогностический потенциал. Он может быть востребован при изучении общественных процессов периода трансформации миропорядка и факторов формирования новых центров силы, притом что основными факторами являются наличие ресурсов и способность государства конвертировать их в технологическое доминирование, т.е. «жесткая сила», «мягкая сила» не может рассматриваться менее значимой в иерархии факторов, обуславливающих разворачивающиеся трансформационные процессы.

«Борьба за умы» и «борьба за таланты» между формирующимися центрами силы будет складываться в жестко конкурентных условиях разворачивающегося экономического кризиса, обусловленного началом деглобализационных процессов. Возглавить переход к следующему технологическому укладу и сконцентрировать у себя критически важные технологии и необходимые компетенции сможет то государство, которое сделает свою систему образования полностью суверенной и отвечающей современным технологическим вызовам.

В условиях разворачивающегося системного кризиса перед нашей страной открывается «окно возможностей». У России есть необходимые ресурсы (в самом широком смысле этого слова), чтобы реализоваться как центру силы в рамках формирующегося мироустройства. Одним из таких ресурсов должна стать современная система образования. Сохранение в стране ключевых компетенций при формировании новой системы разделения труда в рамках «нашей» геоэкономической зоны должно оставаться одной из приоритетных задач реформирования системы образования. Однако она должна не только удовлетворять потребности экономики в кадрах, но и служить важнейшим инструментом нашей «мягкой силы». Практическим результатом ее действия будет привлечение в страну и подготовка соответствующего количества и качества специалистов, разделяющих наши ценности, а также воспитание лояльных по отношению к России молодых политиков и профессионалов, прежде всего, в странах, входящих в наш макрорегион, а также в дружественных нам государствах в других регионах мира.

Литература / References

- Антюхова Е.А. (2018). Образование как «мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* **23**(4), 197–209. [Antyukhova, E. (2018). Education as a “soft power” in modern foreign and Russian political science research. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional Studies. International Relations* **23**(4), 197–209 (in Russian)].
- Балацкий Е.В. (2025). Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* **18**(1), 46–65. [Balatsky, E. (2025). Evolution of colonial and neocolonial models in geopolitical dominance. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* **18**(1), 46–65 (in Russian)].
- Зорин В.Ю., Рудаков А.В. (2009). Применения технологий дезинтеграции России по этническому признаку в регионах проживания мусульман. *Россия и мусульманский мир* (10), 17–30. [Zorin, V., Rudakov, A. (2009). Applications of technologies of Russia’s disintegration on ethnic grounds in regions inhabited by Muslims. *Russia and the Muslim World* (10), 17–30 (in Russian)].
- Кузнецов А.В. (2022). Разнообразие возможных центров силы нового мироустройства. *Политическая наука* (4), 107–120. [Kuznetsov, A. (2022). Diversity of possible centers of power of the new world order. *Political Science* (4), 107–120 (in Russian)].
- Лебедева М.М., Харкевич М.В. (2014). «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве. *Вестник МГИМО Университета* **35**(2), 10–13. [Lebedeva, M., Kharkevich, M. (2014). “Soft power” of Russia in the development of integration processes in the Eurasian space. *Bulletin of MGIMO University* **35**(2), 10–13 (in Russian)].
- Най Дж. (2004). «Мягкая сила» и американско-европейские отношения. *Свободная мысль – XXI* **10**, 33–41. [Nye, J. (2004). “Soft power” and U.S.-European relations. *Svobodnaya mysl – XXI* **10**, 33–41 (in Russian)].

- Садовая Е.С. (2022). Возвратная китайская миграция из США: уроки для России. *Международная торговля и торговая политика* **8**(3), 24–38. [Sadovaya, E. (2022). Chinese return migration from the USA: Lessons for Russia. *International Trade and Trade Policy* **8**(3), 24–38 (in Russian)].
- Цапенко И.П., Сауткина В.А. (2018). Глобальные миграции и экономика здравоохранения. *Terra Economicus* **16**(1), 84–100. [Tsapenko, I., Sautkina, V. (2018). Global migrations and health economics. *Terra Economicus* **16**(1), 84–100 (in Russian)]. EDN: UOWDRS
- Beaugrand, C. (2023). Long-term residency rights, citizenship schemes and the attraction of talents: Transnational presence over generations in the face of investment migration. In: *Transnational Generations in the Arab Gulf States and Beyond* (pp. 21–38). Singapore: Springer Nature Singapore.
- Beine, M., Peri, G., Raux, M. (2023). International college students' impact on the US skilled labor supply. *Journal of Public Economics* **223**, 104917.
- Botonero, E. (2013). *EU higher education as soft power in neighbouring countries: A projection of influence by compelling means*. Paper presented at ECPR General Conference Sciences, Bordeaux, September 4–7, 2013. <https://events.ecpr.eu/Events/Event/PaperDetails/3146> (accessed on April 21, 2025)
- Breen, R., Luijckx, R., Müller, W., Pollak, R. (2010). Long-term trends in educational inequality in Europe: Class inequalities and gender differences. *European Sociological Review* **26**(1), 31–48.
- Cheng, Y., Yang, P., Lee, J., Waters, J., Yeoh, B. (2024). Migration governance and higher education during a pandemic: Policy (mis)alignments and international postgraduate students' experiences in Singapore and the UK. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, **50**(5), 1138–1156.
- Glennon, B. (2024). How do restrictions on high-skilled immigration affect offshoring? Evidence from the H-1B program. *Management Science* **70**(2), 907–930.
- Kerr, W. (2020). The gift of global talent: Innovation policy and the economy. *Innovation Policy and the Economy* **20**(1), 1–37.
- Levy, F., Murnane, R. (2007). How computerized work and globalization shape human skill demands. In: Suarez-Orozco, M. (ed.) *Learning in the Global Era: International Perspectives on Globalization and Education* (pp. 158–174). Berkeley: University of California Press.
- Li, W., Lo, L., Lu, Y., Tan, Y., Lu, Z. (2021). Intellectual migration: considering China. *Journal of Ethnic and Migration Studies* **47**(12), 2833–2853.
- Marini, G. (2024). Brexit and the war for talents: Push & pull evidence about competitiveness. *Higher Education* **88**(4), 1629–1644.
- Michaels, E., Handfield-Jones, H., Axelrod, B. (2001). *The War for Talent*. Harvard Business Press.
- Mielniczuk, F. (2013). BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests. *Third World Quarterly* **34**(6), 1075–1090.
- Moscovitz, H., Sabzalieva, E. (2023). Conceptualising the new geopolitics of higher education. *Globalisation, Societies and Education* **21**(2), 149–165.
- Nye, S. (1990). *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books.
- Schroth, H. (2019). Are you ready for Gen Z in the workplace? *California Management Review* **61**(3), 5–18.
- Shi, Y., Sorenson, O., Waguespack, D. (2024). The new argonauts: The international migration of venture-backed companies. *Strategic Management Journal* **45**(8), 1485–1509.
- Stevenson, M. (2024). What congress needs to break the immigration reform stalemate. *The Catholic University Law Review* **73**(4), 499.
- Weik, S., Achleitner, A., Braun, R. (2024). Venture capital and the international relocation of startups. *Research Policy* **53**(7), 105031.
- Wojciuk, A., Michałek, M., Stormowska, M. (2015). Education as a source and tool of soft power in international relations. *European Political Science* **14**, 298–317.
- Zhang, Y., Liao, Y. (2021). Higher education for international students in China: A review of policy from 1978 to 2020. *ECNU Review of Education* **4**(4), 873–889.